

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется феномен толерантности, являющийся одной из наиболее актуальных проблем современной социально-гуманитарной мысли. Предпринята попытка выявить сущностные основания феномена толерантности и совершить историко-философский экскурс концепта в западноевропейской и русской философии. Раскрываются морально-психологический и морально-политический аспекты проявления толерантности. Обозначается вариативный, динамичный и полисемантический характер толерантности как понятия, а также социокультурная детерминация в интерпретации толерантности как феномена. Актуализируется такое понимание толерантности, как пространство свободного и осознанного выбора в рамках диалога.

Ключевые слова: толерантность; концепт; этический идеал; веротерпимость; диалог; Другой; общество; конфликт; право на различие.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL DIGRESSION

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to analysis of the phenomenon of tolerance, which is one of the most topical issues in modern socio-humanitarian thought. Therefore, this article aims to analyze the essential grounds of the phenomenon of tolerance and to carry out the historical and philosophical background of the concept in the Western European and Russian philosophy. Identify the aspects of tolerance, moral-psychological and moral-political aspects of tolerance. Is denoted by the variable, dynamic and polysemantic nature of tolerance as a concept and the existence of socio-cultural determination in the interpretation of tolerance as a phenomenon. The emphasis understanding of tolerance as a space of free and informed choice in the dialogue.

Key words: tolerance; concept; ethical ideal; religious tolerance; dialogue; another person; society; conflict; right for distinction.

Сложные и противоречивые процессы в современном мире ставят проблему межкультурного диалога и взаимопонимания под особый ракурс исследования. Расширяющийся процесс глобализации и космополитические установки на преодо-

ление границ и интеграцию культурных сообществ превращаются в одно из оснований для обратной реакции в социокультурном пространстве – интенсификации социальной атомизации. В формате протекционистской реакции на тенденцию

Образец цитирования:

Курбачёва О. В. Концептуально-теоретическое осмысление феномена толерантности: историко-философский экскурс // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 12–17.

For citation:

Kurbacheva O. V. Conceptual and theoretical understanding of the phenomenon of tolerance: historical and philosophical digression. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 2. P. 12–17 (in Russ.).

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук; доцент кафедры философии и методологии науки.

Author:

Olga Kurbacheva, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
kurbach.ova@gmail.com

к глобальности и единству (для которой свойственны зачастую гипертрофированные и устрашающие акценты в интерпретации) в обществе все острее встает вопрос об усилении эффекта «разорванности» в социокультурном диалоге и повышенном уровне конфликтности в обществе. И именно этот диалектический процесс одновременной интеграции и разобщенности в социокультурном пространстве актуализирует проблему толерантности на всех уровнях современного социогуманитарного дискурса.

В настоящее время понятие толерантности так часто используется в публицистических изданиях, риторике общественно-политических деятелей и научно-исследовательских проектах, что терминологические границы постепенно размываются и сам термин нередко обретает спекулятивный характер, подстраиваясь под контекст событий. Однако у этого явления не только субъективно-прагматические причины. Толерантность сама по себе не выступает в качестве универсальной категории. Ее интерпретация обусловлена социокультурным контекстом определенного исторического этапа развития общества, культурной традицией, уровнем развития общества и другими факторами, оттеняющими смысловое пространство данного понятия.

Если обратиться к этимологии слова, то с латинского *tolerans, tolerantis* буквально переводится как терпеливо переносящий [1, с. 241]. В английском языке слово «толелантность» обретает дополнительный смысл – страдать, претерпевать, а также способность без протеста воспринимать личность или вещь. В переводе с французского (*tolerat*) появляется такое значение, как терпимый, снисходительный. Даже на уровне перевода обнаруживаются полисемантичесность и различные оттенки интерпретации.

В последней трети XX в. термин активно использовался в русскоязычной литературе. Впрочем, об однозначной концептуализации понятия говорить пока рано. Синонимичный ряд в понимании толелантности отнюдь не условен и несет в себе значительные содержательные вариации в толковании. Смысловое пространство понятия «толелантность» является пусть не открытым, но вариативным. С одной стороны, это расширяет его концептуально-теоретическое осмысление, а с другой – затрудняет задачу конструирования его четких семантических границ и осознания на данном этапе социокультурного развития.

При этом само понятие не является неким абстрактным этическим идеалом, а обладает конкретной коннотацией в рамках диалоговой практики – терпеливого отношения к Другому. Хотя понимание терпеливого, его границы и основания далеко не очевидны. Эти сложности в интерпретации под давлением внешних социокультурных обстоятельств выступают определенным катализа-

тором для дальнейшего предметного и системного анализа толелантности как феномена.

Феномен толелантности – один из базовых концептов в западноевропейской философии, и если осуществить историко-философский экскурс, то можно обнаружить различные акценты в его интерпретации. Античная философия предлагает опосредованные размышления о терпимости как добродетели. Сократ в известном сочинении Платона «Протагор» говорит о необходимости «обуздания страстей посредством воспитания и знания», а сам автор произведения в свою очередь понимает терпимость как «интеллектуальную самозащиту», необходимую для реализации его социально-политической концепции [2, с. 863]. Личные добродетели в древнегреческой философии были значимы лишь в своем созвучии с общественным благом, вследствие чего и обнаруживаются социально-политические акценты в интерпретации толелантности.

Однако уже представления эпикурейцев и стоиков послужили теоретическим основанием для формирования христианской религиозной этики и иного представления о природе толелантности. Терпимость отождествляется с безмятежностью и воздержанностью в качестве основы для таких добродетелей, как стойкость и мужество [3, с. 44].

В средневековой религиозной философии толелантность понимается через такую категорию, как терпимость, и обосновывается через необходимость искупления первородного греха, милосердие, а также носит ярко выраженный этико-религиозный характер: «Вера, озаренная терпением, распространялась среди язычников благодаря семени Авраамову, то есть Христу, и, облакая Закон Благодатью, сделала терпение главным своим помощником в укреплении и исполнении Закона, ибо только его до тех пор не хватало в учении о праведности» [4, с. 325]. Терпение в средневековой философии уже выступает символом веры и нормативным аскетическим идеалом личности в отличие от общественно-политической идеализации Античности.

Если же обратиться к новоевропейской философии, а также к работам мыслителей эпохи Просвещения, можно обнаружить закономерные существенные изменения в интерпретации понятия толелантности, которое приобретает социально-политическую ценность и выходит за пределы сугубо религиозного истолкования, свойственного эпохе Средневековья. В произведениях Дж. Локка, Ф.-М. Вольтера, И. Канта и других философов обосновывается связь морали с правом и актуализируется единство толелантности и религиозной свободы.

Примером могут служить рассуждения о толелантности Дж. Локка в трактате «Послание о веротерпимости» [5]. Безусловно, английский мыслитель эпохи Просвещения писал о принципах религиозного веротерпения, но здесь важны именно

сами рассуждения о причинах нетерпимого и принципах терпимости. По мнению философа, терпимость – «основной критерий истинной Церкви», а религия немыслима без допущения различных способов почитания Бога [5, с. 91]. Главными же критериями нетерпимости к инакомыслию со стороны Церкви выступают власть и суеверие: «Не различие во взглядах, которого нельзя избежать, но нетерпимость к инакомыслящим, которой могло бы не быть, породила большинство распрей и войн, возникавших в христианском мире во имя религии. Церковные прелаты, увлекаемые корыстолюбием и жаждою власти, всячески подстрекали и побуждали правителя, часто охваченного безудержным честолюбием, и народ, живущий всегда во власти пустых суеверий <...> вопреки заветам Евангелия, вопреки требованиям человеколюбия призывали грабить и уничтожать схизматиков и еретиков, смешивая две несовместимейшие вещи – Церковь и государство» [7, с. 130]. Эти идеи носили провокационный характер и были обусловлены демократизацией и секуляризацией общественного сознания. Кроме того, в представлениях Дж. Локка обнаруживается попытка объяснить религиозную свободу через протестантскую экзегетику.

Однако значимость рассуждений Дж. Локка о терпимости состоит не только в его богословских представлениях (терпимость как результат протестантской этики) – она имеет непосредственное философское основание. Эмпиризм Дж. Локка приводит мыслителя к выводу о том, что истина не обладает универсальным характером, а все, с чем имеет дело человек, – это результат его восприятия: «...Наши простые идеи являются тем, чем они и должны быть, – истинными идеями. Они не становятся ложными от того, что ум полагает <...> будто эти идеи находятся в самих вещах. Бог в своей мудрости установил эти идеи как знаки различения вещей, по которым мы могли бы отличать одну вещь от другой... И природа нашей простой идеи не изменяется от того, думаем ли мы, что идея голубого находится в самой фиалке или что она находится только в нашем уме...» [6, с. 443]. В рамках эмпиризма невозможно априори вычленить онтологическую сущность вещей, т. е. человек не может знать вещи сами по себе просто по определению. С точки зрения Дж. Локка, разделявшего первичные и вторичные качества вещей, отсутствует некая абсолютная метафизическая истина, данная раз и навсегда. И появляется основание для терпимости как таковой – признание возможности существования различий в восприятии и равенства действительности всех фактов сознания.

Английский философ предлагает системное понимание природы и принципов толерантности – его представления о терпимости очевидны не только в богословской и философской мысли, они

также прослеживаются в общественно-политических взглядах, а в дальнейшем оказались востребованы в качестве морально-политической доктрины. Толерантность можно трактовать и как юридический феномен, реализация которого полностью должна принадлежать государству. В целях соблюдения внешнего благополучия государство берет на себя обязательства и обладает абсолютным авторитетом в разрешении конфликтных ситуаций и утверждении в обществе взаимной терпимости. Государство, по мнению Дж. Локка, не должно зависеть от церкви, а гражданские законы – выше церковных [5, с. 96].

Это утверждение на первый взгляд представляется целостным и рационально обоснованным. Однако при более детальном исследовании можно заметить, что оно содержит в себе потенциальную угрозу общественной стабильности и терпимости: в зависимости от того, какое место занимают религиозные установки в общей иерархии ценностей личности, возможны отступления либо от правовых норм (в случае доминирования ценностей веры), либо от личных религиозных убеждений. И в том и другом случае прослеживается явная двойственность в гражданской и личностной идентичности. Особенно остро этот парадокс в соотношении роли религии и государства проявился в период социокультурной нестабильности. Размышления английского философа XVII в. оказались весьма актуальны в период глобальных изменений в сфере социальной и цивилизационной динамики, а также в самом пространстве познавательных интенций в конце XX – начале XXI в.

Толерантность становится одним из базовых концептов и для русской философской мысли конца XIX – начала XX в. Среди мыслителей, актуализировавших вопросы о природе и сущности толерантности, можно выделить В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Л. Н. Толстого и Н. А. Бердяева. Наиболее очевидным шагом в формировании толерантности как концепта в русской культуре может считаться философия ненасилия Л. Н. Толстого. Толерантность как этический принцип, по мнению писателя, базируется на таких скрепах, как терпимость, смирение и примирение, непротивление злу насилием. Насилие невозможно оправдать как необходимое, оно существует лишь «как оправдание людьми своих излюбленных пороков: мести, корысти, зависти, честолюбия, властолюбия, гордости, тупости, злости» [7, с. 179]. В рамках своего религиозно-философского учения Л. Н. Толстой анализирует тему насилия, его природу и разновидности, обосновывая представления о ненасилии и связывая их с особенностями православной веры и историей русского народа. Несмотря на то что идеи писателя, касающиеся неприятия государства в случае применения последним насильственных

действий, были раскритикованы, сами представления о неприятии насилия оказались востребованы как проект истинной жизни, модель индивидуального императивного действия (преодоление «животной личности») и, безусловно, существенно повлияли на этико-религиозное сознание русской культуры.

В середине XX в. антропологический кризис, связанный и с военно-политическими событиями, и с проблемами техногенной цивилизации, актуализирует экзистенциальные поиски смысла жизни человека и оказывает колоссальное воздействие на расширение интерпретации толерантности. Аккумулируются все предшествующие акценты в понимании данного феномена: этико-религиозный, социально-политический и этико-философский ракурсы осмысления и принятия. Основываясь на традициях диалогизма и диалогической рефлексии, феномен толерантности раскрывается через такую коннотацию, как уважительное отношение к Другому и признание Другого в качестве ценности, что отражено в работах М. Бубера, М. М. Бахтина, В. С. Библера, К. Ясперса. Задается особый психологический фокус рассмотрения толерантности – как внутренней установки на принятие и признание Другого, готовности к диалогу.

Именно в конце XX – начале XXI в. под влиянием интенсивного взаимодействия культур и открытого глобализационного пространства понятие толерантности приобретает акцентированную социокультурную и политическую оценку. Всплеск миграционного процесса, ориентация на мультикультурную политику смещают акценты с психологической установки личности на общественно-политические лозунги о необходимости добровольного согласия на взаимную терпимость. Конечно, внутренняя регламентация поведения, основанная на уважительном отношении к Другому, не перестает быть значимой. Однако акценты делаются уже не на морально-психологических механизмах самоконтроля личности (хотя они и не исключаются), а на внешней целесообразности, объясняемой через закон, традицию или установку на толерантность как общественную норму, способную предотвратить конфликтные ситуации и позволяющую выстраивать взаимоуважительные отношения с другими.

Эта установка на толерантность как общую культурную ценность и формирование уважительного отношения к другой культуре, безусловно, играет важную консолидирующую роль в развитии общества, но является весьма уязвимой. В первую очередь уязвимость проявляется в том, что толерантность как ценность зачастую носит искусственно конструируемый характер. Терпеливое отношение к Другому прививается в обществе как нечто ценностное и необходимое, используемое в качестве

инструмента в социокультурном проектировании – в предотвращении конфликтов, противодействии экстремизму или преодолении ксенофобии в целом. Однако именно эта инструментальность толерантности, ее императивность и понимание как «всеобщего человеческого долга» становятся основанием для обратной реакции в обществе.

Толерантность не должна быть навязанной извне, она возможна только как пространство свободного и осознанного выбора. Важно интегрировать и морально-психологический аспект, и морально-политический контекст проявления толерантности, не вычлняя из этой связки ни один из элементов. Каждая из обозначенных сфер – психологическая и социально-политическая области проявления и формирования толерантности как таковой – является сдерживающим механизмом для другой и основанием для добровольного согласия на взаимную терпимость [8]. Ведь толерантность всегда связана с практикой диалога, субъектом которого может выступать как отдельно взятая личность, так и социокультурная общность. И только посредством синтеза и взаимодополняемости внутренней регламентации и общей установки на признание инаковости как культурной нормы возможно формирование добровольного согласия на терпимость. Внутренняя регламентация человека предостерегает от искусственного и внешнего навязывания терпимости как конструкта. В то же время морально-политический аспект проявления толерантности, ее внешняя регламентация служат гарантией и основанием для ожидания от другого тождественной реакции.

Важным шагом в понимании природы толерантности и возможностей ее осуществления как внутренней личной установки, с одной стороны, и значимой культурной ценности – с другой, является анализ семантического поля данного понятия. Историко-философский экскурс подтверждает различные акценты в интерпретации толерантности, ее вариативности и социокультурной ангажированности. Остановимся непосредственно на содержательном контексте в его вариациях. Герменевтический анализ некоторых публикаций и общественно-политических лозунгов, посвященных теме толерантности, позволяет увидеть многослойность используемого термина: под внешней формулировкой терпимого отношения к Другому могут быть прочитаны и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство. Можно говорить о терпимости, предполагающей внутреннее напряжение, усилие над собой, направленное на сдерживание собственных негативных проявлений по отношению к Другому (толерантность как общественно-политическая норма). А можно понимать толерантность как сознательное принятие различий, признание универсальных

прав и свобод человека (личностная установка). Поэтому важно дифференцировать сами основания для толерантности. Академик В. А. Лекторский в известной статье «О толерантности, плюрализме и критицизме» предлагает следующие возможные способы понимания этого термина: как безразличие, снисхождение, невозможность взаимопонимания, расширение собственного опыта и критический идеал [9]. Анализируя различные основания толерантного отношения к Другому, автор подчеркивает необходимость «видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей и интеллектуальных систем отсчета» [9, с. 53].

Особенно остро проблема толерантности звучит в условиях форсированного миграционного процесса. Выходящий за пределы возможного контроля миграционный поток обнажает антиномичный характер толерантности [10, с. 45]. Заявленная открытость к Другому в реальной практике, когда Другой выступает не абстрактной фигурой, а конкретным мигрантом, сменяется безразличием или пассивным дистанцированием. Миграционный процесс является определенным вызовом для толерантности – теоретические размышления об этом понятии не всегда находят отражение в непосредственной практической реализации нравственного поведения. Однако, чтобы не было различий между сферами «сущего» и «должного», важно не культивировать толерантность как некий нравственный идеал, к которому мы только должны стремиться, а формировать представления о том, что толерантность – это норма, являющаяся частью повседневной практики.

Толерантность, безусловно, не врожденное, а приобретенное, воспитываемое чувство и способ отно-

шения к миру и Другому. Как только мы признаем «право на различие», мы допускаем возможность иного опыта, иных ценностей, отличающихся от наших убеждений и не вписывающихся в привычные для нас стандарты понимания. А в контексте глобализационной установки на транскультурное сближение традиций и культурных ценностей толерантность может быть представлена именно как «право на различие». При сближении культур и их сосуществовании в одном жизненном пространстве важно осознавать, что абсолютное понимание иных, чуждых для нас ценностей или мировоззренческих установок невозможно и не требуется. Другая культура всегда сохранит в себе определенную закрытость для нас. Это может проявляться в мифах, стереотипах, языке, традициях. Оценивая другую культуру, важно опираться не на сугубо локальные эстетические и моральные критерии, поскольку чужая культура не хуже и не лучше, чем наша собственная, – она всегда иная. Однако это не означает, что невозможен диалог между различными культурами и ценностями. Толерантность выступает именно условием межкультурного диалога, но для того чтобы диалог не был внешним и механическим, он должен быть критическим. Критический диалог – это одновременно уважение к другой и собственной культуре, а также конструктивная критичность к собственной и чужой позициям. Именно толерантность становится основанием для критического диалога: я признаю и уважаю право на различие Другого и ожидаю обратного признания. Вступая в диалог, любой его субъект должен быть готов к изменениям. Гарантией полноценного диалога может выступить только уверенность в том, что и другой его субъект готов и способен сделать ответный шаг навстречу изменениям. А это, в свою очередь, возможно, когда толерантность становится не только индивидуально значимой категорией, но и социально-политическим феноменом.

Библиографические ссылки

1. Бачинин В. А. Толерантность // Этика : энцикл. сл. М., 2005. С. 241–242.
2. Платон. Протагор // Сочинения : в 4 т. М., 1990. Т. 1.
3. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
4. Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.
5. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения : в 3 т. М., 1985. Т. 2.
7. Толстой Л. Н. Избранные философские произведения. М., 1992.
8. Тишков В. А. О природе толерантности и нетерпимости [Электронный ресурс]. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2> (дата обращения: 05.01.2017).
9. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. 1997. № 11. С. 46–54.
10. Сидоренко И. Н. «Военизированный гуманизм» и антиномичность толерантного разума // Философия и соц. науки. 2016. № 4. С. 43–47.

References

1. Bachinin V. A. [Tolerance]. *Ethics* : encycl. dict. Moscow, 2005 (in Russ.).
2. Platon. Protagor. *Sochineniya* : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 (in Russ.).
3. Seneka. [Moral letters to Lucilius]. Kemerovo, 1986 (in Russ.).

4. Tertullian. [Chosen compositions]. Moscow, 1994 (in Russ.).
5. Lokk Dzh. [The message about toleration]. *Sochineniya* : in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 3 (in Russ.).
6. Lokk Dzh. [Experience about human understanding]. *Sochineniya* : in 3 vol. Moscow, 1985. Vol. 2 (in Russ.).
7. Tolstoi L. N. [Chosen philosophical works]. Moscow, 1992 (in Russ.).
8. Tishkov V. A. [About the nature of tolerance and intolerance]. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2> (date of access: 05.01.2017) (in Russ.).
9. Lektorskii V. A. [About tolerance, pluralism and criticism]. *Vopr. philos.* 1997. No. 1. P. 46–54 (in Russ.).
10. Sidorenko I. N. [«Military humanism» and the Antinomy of the tolerant reason]. *Filos. i sotsial'nye nauki.* 2016. No. 4. P. 43–47 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.01.2017.
Received by editorial board 18.01.2017.